

Алексей Козачек

Сага о Первом Цветке
Дневник Софии 2047-2050

Алексей Козачек

**Сага о Первом Цветке.
Дневник Софии 2047-2050**

«Автор»

2026

Козачек А.

Сага о Первом Цветке. Дневник Софии 2047-2050 / А. Козачек —
«Автор», 2026

Родиться «Первым цветком» — значит стать надеждой для всего постапокалиптического мира. Двухлетняя София, первый ребенок, рожденный после Падения Звезд, ведет дневник о своей жизни в суровой Долине. Угроза мародеров, уроки для малышей, угасание отца-легенды и нежная любовь к художнику Августу переплетаются в её судьбе.

© Козачек А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запись тринадцатая. 12 апреля 2047 года.	5
Запись четырнадцатая. 15 апреля 2047 года.	6
Запись пятнадцатая. 20 апреля 2047 года.	7
Запись шестнадцатая. 25 апреля 2047 года.	8
Запись семнадцатая. 27 апреля 2047 года.	9
Запись восемнадцатая. 5 сентября 2047 года.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Козачек

Сага о Первом Цветке.

Дневник Софии 2047-2050

Запись тринадцатая. 12 апреля 2047 года.

Весна в этом году пришла шумная, быстрая. Снег сошел почти весь за неделю, реки вздулись, дороги раскисли, ни пройти, ни проехать. Но сегодня, кажется, случилось то, что заставило всех забыть про распутицу.

Вечером в Гореловку прискакал гонец из Заречного. Измученный, на взмыленной лошади. Я как раз возвращалась из школы и увидела, как он спешился у конторы, как к нему сразу подбежали. Через полчаса весь поселок уже знал новость.

Разведка из Заречного, уходившая далеко на юго-восток, наткнулась на чужих. Их было много, десятка два, может, больше. Шли с юга, вдоль старой дороги. Разведчики наблюдали из укрытия: те не охотились, не искали еду в лесу. Они шли целенаправленно, смотрели по сторонам, держали оружие наготове. У некоторых были повозки, нагруженные каким-то скарбом. Судя по всему, это были мародеры.

До Заречного от того места около пятидесяти километров. Для пешего отряда два-три дня, примерно. Если они продолжат движение в нашу сторону, через неделю будут у первых поселков.

Пока столкновений не было. Разведчики ушли незамеченными, но теперь мы знаем: мы не одни. И не все, кто выжил, хотят мира.

Вечером папа ушел на совет. Мама осталась дома, сидела у окна, смотрела на темнеющую улицу. Я под села рядом.

— Боишься? — спросила я.

— Боюсь, — ответила она честно. — Не за себя. За вас, за детей...

Я взяла её за руку. Рука у мамы теплая, чуть шершавая от постоянной работы с бумагой и мелом.

— Мы справимся, — сказала я. — Всегда справлялись.

Она улыбнулась, но глаза оставались тревожными.

Папа вернулся поздно. Сказал, что Совет решил укреплять границы. Выставлять дополнительные дозоры на всех подходах к Долине. Готовить людей, оружие. Если те мародеры сунутся, встретим как положено. Но первыми не нападать. Может, они просто ищут место для поселения и уйдут мимо.

— А если не уйдут? — спросила я.

— Тогда будем защищаться, — коротко ответил папа.

Запись четырнадцатая. 15 апреля 2047 года.

Сегодня я ходила к Августу. Он теперь живет в маленьком домике недалеко от школы, ему выделили комнату под мастерскую. Там пахнет красками, травами, и на стенах развешаны его рисунки. Красиво.

Он встревожен новостями не меньше других.

— Зачем им воевать? — спросил он. — Места много, леса полны дичи, реки — рыбы. Можно просто жить рядом.

Я хотела сказать, что не все так думают. Что в старом мире, говорят, люди воевали за кусок земли, за власть, за богатство. Но промолчала. Август...другой. Он верит в красоту и добро. Может, это и правильно.

Мы сидели у него, пили чай с мятой, и он показывал новые наброски. Теперь он хочет расписать еще одну стену в шахте - изобразить лесных зверей, чтобы детям было интересно.

Я смотрела на него и думала: вот человек, который даже в тревожное время думает о красоте. Может, это и есть самое главное — не дать страху убить в себе способность видеть хорошее.

Запись пятнадцатая. 20 апреля 2047 года.

Посты выставлены. Дозорные каждый день уходят в лес, сменяя друг друга. Папа теперь почти не ночует дома - то на стене, то на вышке, то с молодыми охотниками, учит их, как вести себя при встрече с чужими.

Я тоже напросилась в дозор. Папа долго отказывался, но мама сказала: "Она умеет не хуже других. Пусть идет". И я пошла.

Сегодня была моя первая смена. Мы сидели на вышке втроем: я и двое парней из Волчьего, чуть постарше меня. Смотрели на лес, на дорогу, на закат. Никто не пришел. Только ветер шумел в ветвях да птицы перекликались.

К ночи мы разожгли маленький костер, грелись. Говорили о разном. О том, что будет, если мародеры все-таки придут. О том, что у каждого в поселке остались родные. О том, что страшно, но отступать некуда.

Я думала о маме, об Августе, о кошках, о своих малышах в школе. И понимала, я буду драться за них если придется.

Но очень хочется, чтобы не пришлось.

Запись шестнадцатая. 25 апреля 2047 года.

Сегодня пришла весточка от разведчиков. Мародеры изменили направление. Они не пошли к Заречному, свернули на запад, в сторону старых развалин. Может, ищут легкой добычи, может, просто обходят неизвестные территории.

Пока мы вздохнули с облегчением. Но Совет распорядился не снимать посты. Мало ли, передумают, вернуться. Теперь у нас будет постоянная стража на дальних подходах. В каждом поселке готовят людей, проверяют оружие, укрепляют стены.

Август сегодня пришел ко мне вечером. Принес маленький рисунок - меня, стоящей на вышке с луком на плече. Получилось очень похоже, только красивее, чем в жизни.

— Чтобы ты помнила, — сказал он, — что даже в тревожные дни есть место для красоты. Я повесила рисунок над своей кроватью. Теперь он будет со мной всегда.

Жизнь продолжается, весна набирает силу. И мы будем жить дальше, что бы ни случилось.

Запись семнадцатая. 27 апреля 2047 года.

Сегодня я не спала допоздна. Ворочалась, думала о разном: о дозоре, об Августе, о том, что будет, если мародеры всё-таки придут. Встала попить воды и пошла на кухню.

И замерла в дверях.

Мама сидела за столом, в одной ночной рубашке, накинув на плечи старый платок. Перед ней стояла стопка и початая бутылка самогона из тех запасов, что хранятся для праздников или для "лекарства", как она иногда говорит. Мама не обернулась, смотрела в окно, за которым было черно и пусто. Мне показалось, что она плачет, но в полутьме я не могла разглядеть.

Я хотела уйти, сделать вид, что не видела. Но ноги не послушались.

— Мам?

Она вздрогнула, обернулась. Глаза у неё были красные, но сухие. Взгляд усталый, совсем не такой, как днём, когда она бодро командует в школе и улыбается детям.

— София? — голос хриплый, будто простуженный. — Ты чего не спишь?

— Воды хотела. А ты?

Она промолчала.

Я подошла и села напротив. Бутылка была начата совсем чуть-чуть, стопка почти полная. Мама пила маленькими глотками, не закусывая, просто держала в руках, будто грелась.

— Ты волнуешься, да? — спросила я тихо. — Из-за этих мародеров?

Мама долго молчала, потом кивнула — И из-за них тоже. И вообще... за всех.

Она отпила ещё немного, поморщилась — Это глупо, наверное. Пить посреди ночи. Я думала, что справилась. Что за столько лет привыкла.

— К чему привыкла?

— К страху.

Я смотрела на неё и не узнавала. Моя мама - сильная, мудрая, та, к кому идут за советом, та, кто держит школу. И вот она сидит передо мной и пьёт самогон, чтобы успокоить нервы.

— Расскажи, — попросила я.

Она усмехнулась — Что рассказать? Как я после катастрофы сидела вот так же, в одиночестве, и думала, что не выдержу? Как боялась за детей, за себя, за будущее? Как пила, чтобы забыться?

Я молчала. Она продолжила — Это потом я стала той, что всё может. А сначала я была просто женщиной, которая потеряла всё и не знала, зачем жить дальше. И если бы не вы... не ты, не твой отец, не все эти люди...

Она запнулась, снова глотнула — А теперь опять. Эти мародёры. Я знаю, что мы сильные. Что у нас стены, оружие, люди готовы. Но я боюсь, боюсь за твоего отца, который полезет в самое пекло. За тебя, если придётся воевать. За Августа, за детей в школе, за всех. Понимаешь?

Я кивнула — Понимаю.

— Не понимаешь, — вздохнула она. — Ты ещё молодая. И слава Богу. Не дай тебе никогда узнать, что такое сидеть вот так и бояться за тех, кого любишь.

Я встала, подошла к ней, обняла сзади, положив подбородок на плечо. Мама пахла самогоном, травяным мылом.

— Я не знаю, каково это — бояться за любимых, — сказала я тихо. — Но я знаю, что ты у меня самая сильная. И что мы справимся. Все вместе.

Мама положила свою руку поверх моей, сжала — Ты у меня хорошая, София. Лучше, чем я, смелее.

— Неправда. Я просто ещё не успела так сильно испугаться.

Она усмехнулась — Умная, вся в меня.

Мы сидели так долго, молча. Потом мама отодвинула стопку — Хватит на сегодня. Пойдём спать.

Я помогла ей встать, обняла ещё раз, крепко.

— Мам... если что, я рядом. Всегда.

Она поцеловала меня в лоб, как в детстве — Знаю, дочка. Знаю.

Мы разошлись по комнатам. Но я долго не спала, глядя в потолок и думая о том, как много мы не знаем о тех, кого любим. И как важно просто быть рядом.

Завтра будет новый день. Мама снова наденет свою улыбку и пойдёт в школу. А ночью, может быть, снова сядет у окна.

Запись восемнадцатая. 5 сентября 2047 года.

Мне исполнилось семнадцать. Это случилось три дня назад, но только сегодня я нашла время сесть и записать.

День рождения отметили тихо, по-семейному. Мама испекла пирог с яблоками — яблоки в этом году уродились, Заречный поделился. Папа подарил мне новый нож, собственной ковки. Сказал: «Ты уже взрослая, пора иметь хороший инструмент». Август принес рисунок - мой портрет. Я там сижу на крыльце, и вокруг меня целое море полосатых и рыжих морд. Очень похоже и очень смешно. Я повесила его рядом с прошлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.